Научная статья
УДК 394
DOI: 10.3792/3033-6015-2026-1-78-88

Мэнгэньцан
Перевод с китайского И. Р. Гарри

«МОНГОЛЬСКИЙ МИР» ИЛИ «ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»: ДИАЛОГ ВЕКА БУРЯТСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

В статье на основе анализа серии научных статей выдающихся бурятских ученых Цыбена Жамцарано, уроженца Агинской степи, и Михаила Богданова, уроженца Иркутской области, опубликованных в журнале «Сибирские вопросы» в 1906–1907 гг., исследуются локальные проекты нациестроительства, показывается, как бурятские интеллектуалы переосмысливали традиционную культуру и пробуждали этническое национальное самосознание.

Ключевые слова: Цыбен Жамцарано, Михаил Богданов, этнический дискурс, религиозная культура, языковое образование.

Для цитирования: Мэнгэньцан. «Монгольский мир» или «западная цивилизация»: диалог века бурятских интеллектуалов / пер. с кит. И. Р. Гарри // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 1(4). – С. 78–88. DOI: 10.3792/3033-6015-2026-1-78-88

Meng Gencang
Translation from Chinese I. R. Garri

“MONGOLIAN WORLD” OR “WESTERN CIVILIZATION”: THE CENTURY-LONG DIALOGUE OF THE BURYAT INTELLIGENTSIA

Based on an analysis of a series of scholarly articles by prominent Buryat scholars Tsyben Zhamtsarano, a native of the Aga Steppe, and Mikhail Bogdanov, a native of the Irkutsk region, published in the journal “Problems of Siberia” *(Sibirskie voprosi)* between 1906 and 1907, this article explores local nationality-building projects. It demonstrates how Buryat intellectuals reimagined traditional culture and awakened ethnic national identity.

Keywords: Tsyben Zhamtsarano, Mikhail Bogdanov, ethnic discourse, religious culture, language education.

Введение

Буряты *(буряад)* представляют собой самую северную ветвь монгольской языковой группы, являясь по численности населения вторым после якутов коренным народом Сибири[1]. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в России проживает 461389 бурят [Итоги Всероссийской…]. Географически они сосредоточены в южной части Сибири, проживая вокруг оз. Байкал[2], а административно – в Республике Бурятия, Иркутской области и Забайкальском крае[3].

Мэнгэньцан – PhD, доцент Центра исследований национальных сообществ, Университет Внутренней Монголии (г. Хух-Хото, КНР). E-mail: jinmgc@126.com.

Meng Gencang – PhD, Associate Professor of Research Center for the Chinese National Community, Inner Mongolia University (Hohhot, China). E-mail: jinmgc@126.com.

Гарри Ирина Регбиевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: ira.garri@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-2484-653X.

Garri Irina Regbievna – Doctor of History, leading researcher of the of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Stu-dies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0003-2484-653X. E-mail: ira.garri@yandex.ru.

[1] Примерно 500 тыс. бурят проживают в России, Монголии и Китае. Из них около 450 тыс. человек находятся на территории Российской Федерации, свыше 40 тыс. – в Монголии и более 6 тыс. – в Китае (см.: [Chakars 2014: 2]).

[2] Западное побережье Байкала обычно называется Предбайкальем, восточное – Забайкальем. Сами буряты западное побережье Байкала называют Ара Байгалай нютаг *(страна за Байкалом)*, а восточное – «Үбэр Байгалай нютаг» *(страна внутри Байкала)*. Территории же вокруг озера называются «Байгал шадар» (*вокруг Байкала*). Иными словами, в системе координат коренного бурятского населения: «Предбайкалье» (запад) соответствует понятию «Ара Байгалай нютаг», а «Забайкалье» (восток) – «Үбэр Байгалай нютаг».

[3] В данной работе основное внимание уделяется конструированию бурятской этничности. Фокусом исследования является «воображаемое сообщество» бурят безотносительно к вышеуказанным объективным данным.

На сегодня буряты считаются единым народом в составе многонационального государства России [Скрынникова 2003: 147]. Тем не менее важно учитывать тот факт, что бурятский народ делится на очень большие этнолокальные группы. В научной литературе и популярном дискурсе основное подразделение обычно проводится по озеру Байкал: буряты, живущие на западном берегу, называются западными или иркутскими бурятами, в то время как буряты, живущие к востоку от озера, называются восточными или забайкальскими [Rupen 1964: 5]. Эта географическая классификация «восток – запад» отражает не только территориальные особенности, но и различия в социально-культурном развитии регионов [Kudeliyafucaifu (Кудрявцев) 1978: 71]. Кроме того, согласно родовой структуре, буряты также подразделяются на племена, такие как *булагаты*, *эхириты*, *хонгодоры*, *хори*, *табангуты* и др.

В дискурсе о конструировании бурятской этничности[1] и реконструкции традиционной культуры ученые обычно подчеркивают, что концепция «окраинных» этнических групп является производным продуктом российской концепции «центральной» нации, например: «В последние предреволюционные десятилетия представители этих национальных меньшинств восприняли циркулировавшие в империи идеи романтического национализма и начали представлять свои общности в качестве наций» [Tolz 2011: 112]; «По мере распространения национализма в XVIII веке возникновение новых национальных идентичностей перестало быть результатом оригинального творчества, будучи заимствованием уже существующей идеи» [Gelinfeierde (Greenfeld) 2010: 15]. То есть утверждается, что концепция бурятской этничности – это производная от русского национального самосознания и национализма. Известный российский специалист по Центральной Азии Николай Веселовский утверждал: «Мы думаем, что мы принесли цивилизацию …, мы думаем, что мы дали азиатским народам спокойствие и безопасность ... Но есть сокровищница еще более важная, чем это. Это национальность, национальное чувство» (цит. по: [Tolz 2011: 15]). Очевидно, что приведенные взгляды акцентируют внимание на деривативность (производный характер) этнических концептов как происходящих из центра, игнорируя при этом проекты «конструирования этничности», исходящие от самих «периферийных» групп.

В начале XX в. с углублением русификации культура, религия, язык и образ жизни бурятского народа столкнулись с беспрецедентным кризисом. Воссоздание единой бурятской культуры и укрепление этнической идентичности стали общим консенсусом бурятской интеллектуальной элиты. Однако вопрос о том, каким образом воссоздавать эту этническую культуру, стал сложной практической проблемой. В связи с этим в рядах бурятской интеллигенции зародилась полемика о путях культурного возрождения. Особенно яркими и острыми стали дебаты между «народниками» в лице Цыбена Жамцарано (1881–1942)[2] и «западниками» в лице Михаила Богданова (1878–1919)[3].

В настоящей статье анализируется серия научных публикаций уроженца Агинской степи Цыбена Жамцарано и иркутского бурята Михаила Богданова, опубликованных в 1906–1907 гг. в журнале «Сибирские вопросы». Автор исследует локальные «проекты конструирования этничности» и показывает, как бурятская интеллектуальная элита воссоздавала традиционную культуру и пробуждала национальное самосознание народа.

Концептуализация этничности

Бурятская интеллектуальная элита является создателем современной бурятской этничности. «Интеллигенция – это выразитель и распространитель национальных идей» [Gelinfeierde (Greenfeld) 2010: 26], а также создатель национальных идей. Начиная с XVIII в. нации и национализм распространились по всему миру, так что этничность стала своего рода каноном, а нация – основной социально-

[1] Согласно определению этничности российским этнологом В. А. Тишковым, «этничность – это свойство этнической общности (народа), заключающееся в культурно-языковых характеристиках и наличии у ее членов этнической идентичности» [Этничность 2022]. В данной статье для понятия «этничность» мы использовали китайское слово 族性 (цзусин), для понятия «этнос» – 族体 (цзути), для понятия «этническая группа» – 族群 (цзуцюн).

[2] Цыбен Жамцаранович Жамцарано (1881–1942) – выдающийся бурятский и монгольский ученый-востоковед, фольклорист, этнограф и общественно-политический деятель. Внес огромный вклад в монголоведение, развитие науки и становление государственности Бурятии и Монголии (см.: [Rupen 1956b: 126–145; Чимитдоржиев, Заятуев 1991].

[3] Михаил Николаевич Богданов (1878–1919) – выдающийся бурятский ученый-историк, этнограф и общественный деятель, ставший одной из ключевых фигур национального движения бурятского народа (см.: [Михайлов 1989: 55–63; Цыбиков 1999: 5–16].

политической категорией разделения мира. Бурятская интеллигенция жила в эпохе расцвета национализма и, подобно европейским национальным элитам, начала воображать бурятскую этническую общность как этническую группу, основанную на уникальной культуре, а также пыталась путем мобилизации национального движения установить границы этой группы, пробудить национальное самосознание и сконструировать современную бурятскую этничность.

Ключевым шагом «проекта конструирования этничности» было превращение «группы бурят» в «этническую общность» с общим самосознанием. Выдающийся бурятский интеллектуал и национальный лидер Цыбен Жамцарано в 1906 г. опубликовал в журнале «Сибирские вопросы», посвященном актуальным вопросам политики в Сибири, статью «О правосознании бурят» [1906: 167–184]. В ней он выдвинул концепцию бурят как национальности. Это был первый случай, когда бурятская национальная элита концептуализировала бурятское сообщество через современное понятие «национальность», ознаменовав тем самым, что буряты перестали быть не имеющей национального самосознания «народностью», а стали «национальностью» с единой национальной идентичностью (см.: [Tolz 2015: 723–746]).

Проект «конструирования этничности» подразумевает использование интеллектуальной элитой этничности в качестве инструмента для формирования традиционной культуры этнической группы, борьбы за власть, интересы и ресурсы. Жамцарано и его соратники заимствовали европейскую концепцию «культурной нации» (Kulturnation), используя ее как инструмент для репрезентации бурят в соответствии с их собственными идеалами и практическими целями [Ibid.]. Глубоко осознавая важность этнической истории и культуры в процессе формирования идентичности, они стремились пробудить бурятское общественное самосознание через воссоздание традиционной культуры [Hroch 1996: 60–77].

Бурятская этничность в современном смысле слова возникла в начале XX в. [Варнавский 2003: 17]. Однако бурятский этнос не является гомогенной единой группой, в нем имеются большие родоплеменные и региональные различия. Наиболее значимыми внутренними дифференциями являются различия в локальной культуре и идентичности между забайкальскими (восточными) и предбайкальскими (западными) бурятами. Эти различия в культуре и идентичности оказали влияние на процессы формирования единой бурятской этничности на протяжении всего XX в., а их последствия ощущаются до сих пор.

Конструирование традиционной культуры и национальный дискурс

В серии научных статей, опубликованных в журнале «Сибирские вопросы» в 1906–1907 гг., отразились противоположные подходы Жамцарано и Богданова к конструированию национальной культуры. Как отмечал американский бурятовед Роберт Рупен, это был своего рода «диалог века» между «монгольским синдромом» (Mongolian syndrome) забайкальских бурят и «руссификационным синдромом» (Russification syndrome) иркутских бурят [Rupen 1964: 4].

СИБИРСКІЕ ВОПРОСЫ
№ 2

О правосознаніи бурятъ.

(Къ предстоящимъ общимъ реформамъ).

Въ предлагаемомъ очеркѣ авторъ хотѣлъ только обратить вниманіе будущихъ устроителей Сибири на маленькій бурятскій народецъ, далеко непохожій на мѣстное русское населеніе своимъ хозяйственно-экономическимъ и духовно-нравовымъ бытомъ, и познакомить сибирскихъ читателей съ нѣкоторыми особенностями и взглядами самихъ бурятъ на счетъ устроенія ихъ жизни въ ближайшемъ будущемъ.

Я, главнымъ образомъ, буду пользоваться протоколами съѣздовъ и докладными записками бурятскихъ представителей и авторитетомъ русскихъ ученыхъ. Этимъ будетъ достигнута объективность изложенія.

Послушаемъ сперва, что говорятъ мѣстные русскіе интеллигенты о бурятахъ. Въ постановленіи Чит. отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О—ва (вып. VII, 1905 г.) читаемъ:

„Положеніе инородцевъ Забайкальской области печально. Если русскому государству выпало на долю соединить массу различныхъ народностей, то на немъ лежитъ высокая обязанность предъ человѣчествомъ, сохранивъ лучшія природныя качества этихъ народностей, слить ихъ въ одну массу на почвѣ общечеловѣческихъ началъ гуманности и справедливости. Что же мы видѣли въ дѣйствительности?"

И, отвѣчая на этотъ вопросъ, ученое общество констатируетъ слѣдующія грустныя явленія:

„Не говоря уже о пріисковомъ фактѣ быстраго вымиранія сѣверныхъ забайкальскихъ орочонъ, вслѣдствіе сближенія ихъ водкой и распространенія сифилиса, болѣе стойкое монгольское племя бурятъ тоже всю энергію и удивительную жизнеспособность свою направляетъ на борьбу за свою народную самобытность съ явленіями, ее разрушающими. Ихъ вѣрованіе, по закону 1853 года, отдано подъ надзоръ администраціи. Противъ ихъ исконнаго ночного быта все время ведется борьба неразумными средствами и косными отсѣченіями. Постепенное и мирное вліяніе бытового строя ихъ было нарушено административной реформой, имѣвшей цѣлью нивеллировать почвенныхъ инородцевъ съ

Бурятское „возрожденіе" *)

Освободительное движеніе, широкой волной разлившееся по русской землѣ, коснулось и глухихъ медвѣжьихъ угольковъ Сибири. Настоящая статья имѣетъ цѣлью дать посильное освѣщеніе зарождающемуся „возрожденію" маленькой народности В. Сибири—бурятъ. Авторъ надѣется, что бурятское „возрожденіе" представляетъ собою крупный интересъ и для многочисленныхъ сибирскихъ инородцевъ, и для русскаго населенія, издавна живущаго бокъ-о-бокъ съ этими инородцами.

О работахъ и резолюціяхъ открытыхъ бурятскихъ съѣздовъ, происходившихъ въ теченіе 1905 года, я говорить не буду. Объ нихъ уже говорилось въ печати въ медовые мѣсяцы русской свободы. Я ограничусь ссылкой на статью г. Жамцарано въ „Сибирскихъ Вопросахъ",' № 2, 1905,— „Правосознаніе бурятъ" и цитатой изъ „Восточнаго Обозр." 1905 г.. № 231.—Изложивъ вкратцѣ результаты работъ общаго съѣзда сѣверо-байкальскихъ бурятъ, авторъ отчета указываетъ, что просьба объ особомъ депутатѣ въ Государ. Думу отъ иркутскихъ бурятъ не удовлетворена. „Очевидно, заканчиваетъ онъ отчетъ,—въ Петербургѣ, изъ прекраснаго далека, рѣшили, что буряты „не созрѣли" для широкой общественности. Всякій, кто ознакомился съ работами бурятскаго съѣзда, даже по этому краткому изложенію ихъ результатовъ, согласится съ нами, что такой взглядъ на нашихъ инородныхъ соотечественниковъ глубоко несправедливъ".

*) Т. к. подъемъ умственной и общественной жизни сибирскихъ инородцевъ особенно сильно замѣтенъ среди бурятъ, то мы даемъ мѣсто статьѣ г. Богданова, какъ наиболѣе яркаго выразителя одного изъ двухъ борющихся умственныхъ теченій въ бурятской интеллигенціи; поэтому же въ ближайшемъ будущемъ въ „Сиб. Вопр". будетъ помѣщена статья г. Жамцарано, какъ выразителя другого теченія. *Ред.*

Обложка журнала «Сибирские вопросы» и выдержки из статей Жамцарано и Богданова [Си]

«Возвращение в монгольский мир» или «принятие западной цивилизации» через русскую культуру, стало, по выражению австрийского бурятоведа Штефана Криса (Chris Stefan), «вечной дилеммой» поиска бурятской идентичности[1]. Это два наиболее конкурирующих и диаметрально противоположных политико-культурных фактора бурятской этничности.

Культура

Столкнувшись с экспансивной политикой русификации со стороны имперского центра, возглавляемые Жамцарано народники полагали, что для сохранения бурятской общности как независимой и отличной от других групп необходимо как модернизироваться, так и возрождать национальную культуру, реализовывать право бурят на культурное самоопределение. Как писал Рупен, «кризис русификации в бурятской культуре непосредственно подталкивал бурятскую интеллигенцию обращаться к собственному монгольскому наследию, несмотря на то что по-настоящему влиятельными лидерами бурятского национального движения были те, кто получил российское образование» [Rupen 1964: 21]. Именно поэтому бурятские интеллектуалы смотрели на вопросы этнической идентичности «западным» взглядом, в то время как принятие модернизации было их общим консенсусом.

Анализируя статьи Жамцарано, Рупен характеризовал этнополитические воззрения народников формулой «*монгольские идеи – западные методы*» (Mongolian concepts and Western methods) [Ibid.: 4], в которой «монгольская сущность» (Mongolness) была основой, а наука и культура Запада – прикладным инструментом. Бурятские народники считали, что культурное самоопределение этноса – это обязательный этап на пути к достижению национальной автономии. При этом этнизация религии, культуры, языка, письменности и образования рассматривалась ими в качестве первоочередной и неотложной задачи в рамках проекта по возрождению национальной культуры. «Не одни экономические силы двигают человечество, есть и другие, не менее мощные факторы, как личности, религия, творческий дух и пр.», – писал Жамцарано [1907д: 20]. Он подчеркивал: «Очевидно, каждая народность имеет право и должна проявить свой национальный дух, свою индивидуальность, свое культурное творчество; имеет право и должна свободно распоряжаться своими делами и устраивать свою духовную и материальную жизнь» [1907б: 16]. Жамцарано акцентировал внимание на возможности каждого человека участвовать в культурном творчестве, возрождать национальный дух народа. При этом он указывал, что именно бурятская местная культура должна стать основой национальных особенностей бурят-монгольского народа, что означало курс на «возвращение в монгольский мир».

Проект Жамцарано по воссозданию духовной культуры бурят вышел за пределы Российской империи и обратился на весь монгольский мир с тем, чтобы вернуть бурятскую этническую культуру в лоно монгольской культуры. Таким образом, он планировал противостоять русификации и реализовывать право нации на самоопределение. Он писал: «… смеем заверить гг. директоров и пастырей, что буряты, как часть большого монгольского мира, имеющего письменность и своеобразную литературу, не могут в угоду обрусительной политике, порвать со своей историей и со своим целым» [1907д: 9–10]. Одновременно с этим он подчеркивал, что возможность и неизбежность объединения бурятской культуры с панмонгольской являются эффективнейшим инструментом для возрождения национальной культуры: «Для нас, бурятских народников, верующих в свой народ, в возможность и неизбежность культурного «панмонголизма», иркутские буряты – эта маленькая часть всего монгольского народа – есть только одна из точек для приложения силы, для проведения идеи возрождения» [1907г: 16].

Так, впервые среди интеллектуальной элиты бурят прозвучала идея о культурном панмонголизме – попытке расширить культурное пространство группы на весь монгольский мир. Жамцарано призывал: «Дайте им возможность проявить свои силы и способности – и буряты через одно-два поколения будут проводниками просвещения и культуры вглубь Монголии» [1907д: 19]. В то же время он неизменно подчеркивал лояльность бурят Российской империи, заявляя: «Как верные сыны великой Российской империи мы желаем принести в пользу обширного отечества и нашей далекой окраины посильную лепту» [1906: 184].

Исследователь национализма Лия Гринфилд в книге «Nationalism: Five Roads to Modernity» отмечала, что нация или этническая группа зачастую считаются гомогенными общностями [Gelinfeierde

[1] Интервью с проф. Крисом, 24 октября 2019 г., Университет Внутренней Монголии.

(Greenfeld) 2010: 1]. В отличие от упомянутой точки зрения бурятская этничность характеризуется ярко выраженной гетерогенностью (неоднородностью), обусловленной внутренними родоплеменными и региональными социокультурными различиями. Эти внутренние различия гомогенизируются через взаимную конкуренцию.

Основными конкурентами возглавляемых Жамцарано народников были западники во главе с Михаилом Богдановым. Последние решительно выступали против идеи «возвращения в монгольский мир». Они считали, что «бурятский народ, несмотря на свое желание вернуться, уже не сможет возвратиться в “монгольский мир”, живя в XX в., … подчеркивание “монгольской” специфики, буддизма, родного языка будет еще больше изолировать бурят от мейнстримного общества» [Rupen 1964: 35]. Российский этнолог П. К. Варнавский, анализируя статьи Богданова, следующим образом резюмировал его этнополитические идеи: «М. Н. Богданов, рационально объяснявший результаты русификации и модернизации, был ярким выразителем идей о необходимости вступления бурят на путь модернизации и освоения уже наработанного на этом пути западным сообществом (через русскую культуру) и отказа от традиционных форм жизни» [2003].

Возрождение бурятской культуры через «возвращение в монгольский мир» Богданов считал мечтой. «Буряты проспали свое время», – говорил он [1907а: 48]. В статье 1907 г., опубликованной в журнале «Сибирские вопросы» под названием «Бурятское “возрождение”» [1907: 38–49], он поставил это слово в кавычки [Клеменц 1907: 16], дабы специально подчеркнуть иллюзорность возрождения бурятской культуры, считая неосуществимыми попытки Агвана Доржиева, Жамцарано и других активизировать бурятское национальное движение. Он считал, что национальная культура бурят на основе монгольских характеристик не имеет будущего, ибо монгольская литература «дальше мифов и преданий не ушла, а на мифах и преданиях далеко не уедешь» [Богданов 1907: 46]. «Пока мы оживим застывшую монгольскую литературу и дойдет до создания “шедевров национального художественного творчества”, – писал Богданов, – не успеет ли уже раздавить нас всемогущий бог западноевропейской культуры – капитал, который, с водворением в России новых форм жизни, мощными шагами пойдет вперед? Нужно помнить, что мы живем не в эпоху средневековья, когда каждая маленькая национальная группа могла жить внутри своей ячейки совершенно изолированно от внешнего мира, а в XX в.» [Там же: 47].

Богданов прекрасно осознавал общее происхождение бурят с монголами и калмыками, их общую историю, культуру и язык. Однако он подчеркивал, что будущим вектором развития бурятского этноса должно стать принятие капиталистической модернизации, а не «возвращение в монгольский мир». Он отмечал: «Спасение наше не в том, чтобы дрожать над выдуманными нами национальными особенностями, а в возможно скором и прочном усвоении цивилизации … Автор этих строк был бы очень рад за свой народ, если бы осуществились на деле все мечты и грезы его идейных противников о возрождении бурятского языка, о создании бурятской литературы, науки и культуры; что буряты проспали свое время, что теперь ушло уже время изолированных национальных групп, миновала эпоха натурального хозяйства, торговый обмен стал одним из самых важных факторов жизни, и общественное разделение труда пошло настолько далеко, что и писатель-художник, и ученый работают исключительно на рынок» [Там же: 48–49].

Рупен считал Жамцарано «романтиком», а Богданова – «прагматиком» [Rupen 1964: 5]. Именно из-за своего прагматизма, ориентированного на западный капитализм, Богданов не поддерживал идею национальной автономии и культурного самоопределения бурят. Вместо этого он связывал будущее бурятского народа с «демократически организованным земством, и призывал защищать интересы бурят через представительство в российском парламенте, и выступал за «защиту интересов бурят в представительных органах России».

Религия

Единение религии и этничности является еще одной острой темой этнического дискурса, важнейшим направлением в проекте реконструкции бурятской культуры. Буддизм широко распространен среди восточных бурят, в то время как шаманизм и православие являются основными религиями западных бурят. Возглавляемые Жамцарано народники, включая его друзей и соратников Базара Барадина (1878–1937), Агвана Доржиева (1853–1938), Гомбожаба Цыбикова (1873–1930) и Бато-Далая

Очирова (1875–1913), были твердо убеждены в том, что возрождение бурятской культуры невозможно без превращения буддизма в национальную религию. Они поддерживали распространение буддизма среди западных бурят в целях формирования единой религиозной культуры и укрепления общебурятской идентичности.

Обосновывая необходимость единения буддизма и бурятской этничности, Жамцарано рассматривал буддизм как общую религию монгольского мира, символ культурного единства бурят с этим миром, мощное средство сопротивления русификационной политике и один из источников национального движения. В своих публикациях он неизменно подчеркивал статус буддизма как исконной религии бурят: «И ближайшей религией явился буддизм, религия всех почти монголов и большинства бурят. Одно то, что буддизм исповедуется большинством соплеменников и сородичей, уже является соблазном для ищущих и жаждущих новой религии. Чем правительство и миссионеры усерднее проводили свою обрусительно-крестительную политику, чем гонения и насилия шире применялись к бурятам, тем сильнее и дружнее шло движение в сторону буддизма и в сторону тех своих сородичей, которые, благодаря буддизму, сохранили свою письменность, национальную цельность и солидарность. Буддизм в глазах народа стал убежищем для национального духа, а православие – символом обрусения и насилий…» [1907. № 21: 20–21].

Жамцарано был твердо убежден в том, что буддизм для бурят – это «лучшая религия» [1907в: 17], что «переход из низшей религии к высшей всегда сопровождался значительным подъемом духа, создавал новые идеалы и заставлял произвести переоценку всего, что было и что есть» [1907г: 15]. Восхваляя буддизм, Жамцарано в то же время резко выступал против шаманизма, считая его «религией без идеала, без философии, без морали, религией первобытного человека» [1907б: 19]. Поэтому он прилагал большие усилия к распространению буддизма среди западных бурят – последователей шаманизма, поддерживал их обращение в буддизм и твердо верил, что «переход бурят в буддизм есть факт исторический и стихийный. Переход иркутских шаманистов в буддизм – только один из моментов распространения буддизма среди бурят, неизбежный шаг в общем ходе бурятской жизни» [Там же: 20].

Жамцарано подчеркивал, что распространение буддизма повысит культуру западных бурят-шаманистов, сделает их прогрессивными. Он говорил: «С восприятием буддизма буряты-шаманисты постепенно усвоят высшие нравственные идеалы, научатся уважать, ценить себя и других, расширится их духовный кругозор, они освоятся с родною монголо-бурятскою письменностью, литературой и сами будут, по примеру забайкальских сородичей, писать и читать свои мысли по-бурятски, будут через литературу сноситься со всеми монголами, войдут в идейное общение с ними» [1907г: 16]. Он твердо верил, что «солнце дхармы воссияет в долине тьмы» [Tolz 2015: 733], что буддизм спасет бурятский народ от кризиса русификации и невежества шаманизма, укрепит единство бурятского народа.

В этом дискурсе религии и этничности главным оппонентом Жамцарано был лидер западных бурят Богданов. Он, в свою очередь, считал, что буддизм не может сосуществовать с модернизацией, что рассматривать буддизм как инструмент объединения бурятской национальной культуры – значит обречь себя на поражение. Он считал буддизм примитивной религией, ставшей историей, и не понимал, зачем бурят-монголам восстанавливать этот буддийский институт [Rupen 1964: 34].

Богданов был категорически против превращения буддизма в национальную религию, считал, что религиозная вера должна быть личным делом человека, а не общественным или национальным выбором, каждый человек должен иметь свободу верить в религию или нет. Он обвинял Агвана Доржиева и Жамцарано в этой агитации за буддизм: «Агван Доржиев начал свою проповедь среди бурятской “знати”. Цыбен Жамцарано, кроме этого, начал проповедовать буддизм среди бурятской интеллигенции – учителей. Летом 1906 г. им основан союз бурятских деятелей по народному образованию под несколько неожиданным названием “Знамя бурятского народа”. Главная цель союза состоит в распространении среди бурят нового алфавита и насаждении буддизма. Учителям бурятских школ, согласно программе, вменяется в обязанность преподавание буддизма в школах и проповедь среди бурят вне школы. Т. о. бурятские учителя должны являться представителями определенного религиозного исповедания» [1907а: 40].

Богданов считал подобные попытки объединения религии и образования несовместимыми с эпохой религиозной свободы, когда все прогрессивные партии и союзы мира стремятся отделить церковь от школы. Он констатировал: «Поднятие общей культуры бурят, распространение просвещения и умело организованная медицинская помощь – вот средства, которыми можно вырвать бурят из мрака невежества, избавить их от непомерных затрат на религиозные дела и спасти от болезней, вымирания и пьянства» [1907: 44].

В этом заключался прагматизм Богданова и его ориентация на западную модернизацию.

Язык и письменность

Язык является одной из фундаментальных характеристик, на которых нация основывает свои притязания на статус нации, и служит ее важнейшим символическим маркером. В дискурсе о создании единого национального языка и письменности Жамцарано и Богданов предложили две диаметрально противоположные системы письма: монгольскую письменность *вагиндра* и бурят-монгольскую письменность на основе кириллицы [Montgomery 2005]. Их споры о бурятской письменности вышли далеко за рамки вопроса о знаках для фиксации речи, превратившись в дискуссию о выборе пути развития бурятского народа – обратно в монгольский мир или навстречу западной цивилизации через русскую культуру.

Жамцарано активно продвигал монгольский алфавит вагиндра, выступая против использования кириллического алфавита. Он утверждал: «Вся Монголия, все Забайкалье и часть северобайкальских бурят употребляют уже давно бурятское письмо, как бы оно ни было несовершенно, и русская транскрипция не привьется к ним» [1907а: 10], так как «русский алфавит, как чуждый фонетике языка и не имеющий исторической почвы в монголо-бурятской жизни, был отвергнут после детального разбора» [1907в: 18]. Жамцарано пытался легитимизировать монгольский алфавит вагиндра, опираясь на историю развития монгольской письменности: «Письменность каждой народности тоже имеет свою историю. И монгольская письменность тоже развивалась и развивается. Древнеуйгурский алфавит, потом старомонгольский, затем современный – с разновидностями (калмыцкий и маньчжурский алфавиты) и наконец монголо-бурятский алфавит представляет наглядный и правильный ход постепенного изменения одного и того же алфавита в смысле приспособления к живой речи» [1907г: 19]. Жамцарано подчеркивал, что монгольский алфавит вагиндра является исконным письмом бурят и служит символическим маркером культуры бурятского этноса и даже всего «монгольского мира» в целом. Он говорил, что «новый монголо-бур. алфавит мало отличается от старого, и потому легко перейти от нового к старому, а это необходимо для всех монгольских племен, в том числе и для бурят» [1907д: 16]. И, наконец, Жамцарано надеялся распространить монгольский алфавит вагиндра среди западных бурят, с тем чтобы унифицировать систему письма. Он писал, что «… большинство иркутских бурят предпочтет свой, монгольский алфавит и пожелает приобщиться к общему движению всех монголов, в том числе и бурят, и не пожелает отделиться от массы возрождающегося монгольского народа» [1907г: 9].

Богданов, со своей стороны, резко выступал против распространения монгольского алфавита вагиндра, призывая к созданию алфавита общеевропейского типа, что для западных бурят будет намного легче и естественнее. Он говорил: «Самым важным препятствием ознакомления является монгольский тип алфавита с невиданными для иркутских бурят формами букв и полное отсутствие в букваре каких-либо указаний относительно произношения, чтения и письма» [1907: 45]. Чтобы соответствовать современному уровню цивилизации, он призывал бурят полностью овладеть русским языком и пользоваться им напрямую.

Богданов хорошо осознавал внутреннюю связь между продвижением монгольского алфавита «вагиндра» и сохранением бурятской этничности. Он говорил следующее по вопросу письменности бурят: «Буряты – монголы, а потому они должны пользоваться своим национальным монгольским алфавитом, – говорят обычно при защите нового алфавита. Но мне кажется, то обстоятельство, что все научные книги и журналы в Германии печатаются латинским шрифтом, нисколько не умалило национальных особенностей немцев. Точно так же не пострадала бы бурятская национальность, если бы буряты стали писать не сверху вниз, а слева направо, и не знаками монгольского алфавита, а более доступными для иркутских бурят буквами латинского типа. Странно и смешно отождествлять особенности какой-бы то ни было нации с внешними знаками, изображениями звуков» [Там же: 46].

Кроме того, исходя из реальных условий того времени, Богданов ясно изложил причины, по которым он выступал против продвижения алфавита вагиндра: «Во-первых, новый алфавит значительно отличается от классической монгольской письменности. Даже освоив его, все равно придется отдельно учиться монгольскому алфавиту, чтобы овладеть монгольским языком. Во-вторых, для чтения монгольской литературы, необходимо хорошо знать монгольский язык, а в Иркутской губернии найти учителя монгольского языка в тысячу раз сложнее, чем учителя русского. Наконец, у нового алфавита есть технические недостатки – он не подходит для современной печати» [1907: 46]. В заключение статьи Богданов риторически вопрошал: «Откуда мы возьмем запас слов для передачи хотя бы самых элементарных понятий? Почему большая часть сторонников нового алфавита учат своих детей с первых годов их жизни говорить по-русски, а не по-бурятски? Почему на бурятском съезде прошлого года говорили большей частью по-русски, а не по-бурятски? Почему протоколы этого съезда велись на русском, а не на бурятском, когда у участников съезда был под рукой новоизобретенный алфавит?» [Там же: 49].

Образование

Жамцарано рассматривал образование как краеугольный камень возрождения бурятской культуры и создания национальной автономии. В 1905 г. он предложил создать союз бурятских учителей «Знамя бурятского народа». «Задачи союза – национализация школы, просвещение массы, национальное самоопределение и автономия бурят», а также обучение детей-бурятов бурят-монгольскому языку, литературе и истории» [1907а: 8]. Жамцарано писал: «Если буряты мало дают европейски-образованной интеллигенции, то это потому, что школы – как низшая, так и средняя, высшая и специальная – недоступны им» [1907д: 19]. В связи с этим он подчеркивал необходимость дальнейшего развития образовательной функции бурятских буддийских монастырей, считая, что монастыри могут продолжить быть центрами образования, начав обучать по школьным программам и европейским наукам, подчеркивая при этом, что «преподавание должно вестись на родном языке, русский язык считать обязательным предметом». Он также призывал в школах «вести преподавание на родном языке», «иметь газету на бурятском языке» [1907а: 4]. Очевидно, что продвигаемое им обучение на родном бурятском языке имело тесную внутреннюю связь с движением по распространению буддизма.

Кроме того, Жамцарано считал, что «для буддистов и буддиствующих допустимо преподавание учения Будды, для православных – учения Христа» [1907в: 19.] Он подчеркивал, что буддизм и современное образование не противоречат друг другу: «Как буддизм, так и христианство в руках хорошего учителя-народника должны быть тем, чем они являются на самом деле, – именно учением любви к человеку, началам справедливости, учением свободы личности и веры в человека, в его творческую силу (особенно буддизм)» [Там же: 20]. Он даже подчеркивал, что буддизм – это религия, защищающая права женщин: «… ламы первыми потребовали обязательного обучения девочек грамоте. Ламы же, в лице Зарбаева, требовали, чтобы девушки, наравне с мужчинами, изучали философию, опытные науки и пр. (саннид)» [1907г: 16].

В противоположность идеям Жамцарано о национальном образовании Богданов твердо верил в то, что буряты смогут возродиться только на основе европейского образования [2014: 5]. Он резко выступал против идеи организации национального образования на базе буддийских монастырей, считая, что это «злополучная идея, противоречащая здравому смыслу и стремлениям всех прогрессивных партий и союзов к отделению церкви от школы…» [1907: 43]. К тому же он был уверен, что «просветительская роль дацанов Забайкалья будет в весьма скором времени равна нулю. Уже теперь там раздаются голоса против доминирующей роли ламства в общественной жизни; уже теперь там увеличивается число лиц с европейски-светским образованием, и, несомненно, в близком будущем бурятское просвещение освободится от монастырской опеки» [Там же].

Заключение

В заключение еще раз процитируем Жамцарано: «Нам кажется, что как нас, народников, так и “западников” в лице М. Н. Богданова занимают одни и те же думы, одни и те же желания, одни и те же настроения, но расходимся мы лишь в средствах, в путях для достижения наших целей… Во всяком случае, оба течения бурятской общественной мысли, нам кажется, не враждебны по существу, а параллельны, даже больше – скорее дружественны…» [1907д: 21].

Отметим, что в дискурсе воссоздания традиционной культуры народники во главе с Жамцарано стремились сформировать единую национальную культуру через этнизацию бурятской культуры, буддийской религии, языка, письменности (бурят-монгольского письма) и образования, пытаясь тем самым сгладить внутренние социально-культурные различия между восточными и западными бурятами. В то время как «западники» во главе с Богдановым, ориентируясь на современную западную культуру, стремились к национальному возрождению через свободу совести, внедрение европейского алфавита и светского образования.

Проводя полевые исследования в Бурятии, мы обнаружили, что «великий диалог» начала века между двумя выдающимися бурятскими интеллектуалами более столетия назад, по-прежнему актуален. «Монгольский мир» или «западная цивилизация» – это действительно вечная дилемма бурятского национального дискурса, обусловленная внутренней неоднородностью этноса. По сути, дискуссия между ними – это не столько спор народников и западников, сколько борьба между «монгольским» и «российским» началами в бурятской идентичности. Это столкновение этнических факторов, сформированных под влиянием центральноазиатской культуры и буддизма, с факторами, возникшими под воздействием российской социально-экономической системы и идеологии [Кириченко 2018]. Кроме того, нынешний диалог о возрождении национальной культуры подтверждает, что этничность является результатом социального конструирования, а не врожденным, примордиальным качеством.

Подводя итоги, отметим, что Дмитрий Клеменц резко осуждал западнические идеи Богданова, считая его «пессимистом бурятской национальной культуры» [1907: 7]. Рупен отмечал, что «экстремальные западнические идеи Богданова не могли представлять мнения большинства лидеров бурятского народа и не стали ведущей идеологией бурятского национального движения» [Rupen 1964: 19][1]. Действительно, концепция Жамцарано, выраженная формулой «*монгольские идеи – западные методы*», практически полностью вытеснила крайне западнические взгляды Богданова и стала господствующей идеологией бурятского национального движения. Более того, сам Богданов позднее стал активно продвигать концепцию «монгольскости», пытаясь укрепить самосознание и идентичность бурятского народа. Это хорошо видно из его поздней работы – первой истории бурят-монгольского народа «Очерки истории бурят-монгольского народа», где эта позиция ярко выражена.

Перевод статьи подготовлен в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи) № 126020516676-6.

Источники и литература

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 23.05.2024).

Базаров Б. В. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века / Б. В. Базаров, Л. Б. Жабаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 377 с.

Богданов М. Н. Бурятское «возрождение» / М. Н. Богданов // Сибирские вопросы: периодический сборник. – 1907. – № 3. – С. 38–49.

Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / М. Н. Богданов. – 3-е изд. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. – 302 с.

Варнавский П. К. Конструирование бурятской этничности в первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / П. К. Варнавский. – Улан-Удэ, 2003. – 22 с.

Варнавский П. К. Этатизация бурятской этничности в теории и практике национально-государственного строительства [Электронный ресурс] / П. К. Варнавский // Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX – первая треть XX века) / П. К. Варнавский, Г. А. Дырхеева, Т. Д. Скрынникова. – Иркутск: Оттиск, 2003. – Режим доступа: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/buryat/ (дата обращения: 23.05.2024).

Жамцарано Ц. О правосознании бурят (к предстоящим реформам) / Ц. Жамцарано // Сибирские вопросы. – 1906. – № 2. – С. 167–184.

[1] Вера Тольц объясняет этот факт личными дружескими связями Жамцарано с такими имперскими востоковедами, как Сергей Ольденбург, Федор Щербатской и Дмитрий Клеменц, а также их поддержкой. При этом она игнорирует собственные усилия бурятского народа по конструированию своей идентичности и широкую поддержку народнических идей (подр. см.: [Tolz 2015]).

Жамцарано Ц. Буряты и освободительное движение / Ц. Жамцарано // Сибирские вопросы. – 1907а. – № 3. – С. 3–10.

Жамцарано Ц. Бурятское народническое движение и его критика / Ц. Жамцарано // Сибирские вопросы: периодический сборник. – 1907б. – № 21. – С.16–21.

Жамцарано Ц. Бурятское народническое движение и его критика / Ц. Жамцарано // Сибирские вопросы: периодический сборник. – 1907в. – № 23. – С. 17–20.

Жамцарано Ц. Бурятское народническое движение и его критика / Ц. Жамцарано // Сибирские вопросы: периодический сборник. – 1907г. – № 24. – С. 15–20.

Жамцарано Ц. Бурятское народническое движение и его критика / Ц. Жамцарано // Сибирские вопросы: периодический сборник. – 1907д. – № 25. – С. 15–21.

Кириченко С. В. Бурятская интеллигенция: национализм и национальный вопрос / С. В. Кириченко // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 51. – С. 41–47.

Клеменц Д. А. Пессимизм на бурятской почве / Д. А. Клеменц // Сибирские вопросы: периодический сборник. – 1907. – № 10. – С. 7–23.

Скрынникова Т. Д. Традиционная культура и буддизм в самоидентификации бурят / Т. Д. Скрынникова // Религия и идентичность в России / отв. ред. Т. Г. Гостило, О. Ю. Артемова. – М.: Вост. лит-ра, 2003. – С. 121–152.

Этничность [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – 18.11.2022. – Режим доступа: https://bigenc.ru/c/etnichnost-dbde36 (дата обращения: 15.07.2025).

Chakars M. The Socialist Way of Life in Siberia: The Buryat Transformation / M. Chakars. – Budapest; New York: Central European University Press, 2014. – 230 p.

Chao Kesai. Duoyuan yu gongshi: Xinihe Hamuniganren jiqi minzu guanxi yanju [Plurality and Consensus: On the Khamnigan People of Shinekhen River and Their Ethnic Relations – Чао Кэсай. Плюрализм и консенсус: исследование этнических отношений хамниган района Шинэхэн]: doctoral dissertation / Kesai Chao. – 2018. – 215 p.

Gelinfeierde [Greenfeld L.]. Minzu zhuyi – zouxiang xiandai de wudiao daolu / L. Greenfeld; translated by Wang Chunhua [et al.] [Гринфельд Л. Национализм: пять путей к современности / пер. на кит. яз. Ван Чуньхуа и др.]. – Shanghai: Sanlian shudian, 2010. – 645 p.

Hroch M. From National Movement to the Fully-Formed Nation: The Nation-Building Process in Europe / M. Hroch // Becoming National: A Reader / ed. by G. Eley, R. Suny. – New York: Oxford University Press, 1996. – P. 60–77.

Montgomery R. W. Late Tsarist and Early Soviet Nationality and Cultural Policy: The Buryats and Their Language / R. W. Montgomery. – New York: The Edwin Mellen Press, 2005. – 232 p.

Rupen R. A. Mongols of the Twentieth Century / R. A. Rupen. – Bloomington: Indiana University Publications, 1964. – 510 p.

Tolz V. Reconciling Ethnic Nationalism and Imperial Cosmopolitanism: The Lifeworlds of Tsyben Zhamtsarano (1880–1942) / V. Tolz // ASIA. – 2015. – Vol. 69. – No. 3. – P. 723–746.

Tolz V. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods / V. Tolz. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 212 p.

References

Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda [Elektronnyj resurs] / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. – Rezhim dostupa: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (data obrashcheniya: 23.05.2024).

Bazarov B. V. Buryatskie nacional'nye demokraty i obshchestvenno-politicheskaya mysl' mongol'skih narodov v pervoj treti XX veka / B. V. Bazarov, L. B. Zhabaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2008. – 377 s.

Bogdanov M. N. Buryatskoe «vozrozhdenie» / M. N. Bogdanov // Sibirskie voprosy: periodicheskij sbornik. – 1907. – № 3. – S. 38–49.

Bogdanov M. N. Ocherki istorii buryat-mongol'skogo naroda / M. N. Bogdanov. – 3-e izd. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2014. – 302 s.

Varnavskij P. K. Konstruirovanie buryatskoj etnichnosti v pervoj treti XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / P. K. Varnavskij. – Ulan-Ude, 2003. – 22 s.

Varnavskij P. K. Etatizaciya buryatskoj etnichnosti v teorii i praktike nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva [Elektronnyj resurs] / P. K. Varnavskij // Buryatskaya etnichnost' v kontekste sociokul'turnoj modernizacii (konec XIX – pervaya tret' XX veka) / P. K. Varnavskij, G. A. Dyrheeva, T. D. Skrynnikova. – Irkutsk: Ottisk, 2003. – Rezhim dostupa: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/buryat/ (data obrashcheniya: 23.05.2024).

Zhamcarano C. O pravosoznanii buryat (k predstoyashchim reformam) / C. Zhamcarano // Sibirskie voprosy. – 1906. – № 2. – C. 167–184.

Zhamcarano C. Buryaty i osvoboditel'noe dvizhenie / C. Zhamcarano // Sibirskie voprosy. – 1907a. – № 3. – S. 3–10.

Zhamcarano C. Buryatskoe narodnicheskoe dvizhenie i ego kritika / C. Zhamcarano // Sibirskie voprosy: periodicheskij sbornik. – 1907b. – № 21. – S.16–21.

Zhamcarano C. Buryatskoe narodnicheskoe dvizhenie i ego kritika / C. Zhamcarano // Sibirskie voprosy: periodicheskij sbornik. – 1907v. – № 23. – S. 17–20.

Zhamcarano C. Buryatskoe narodnicheskoe dvizhenie i ego kritika / C. Zhamcarano // Sibirskie voprosy: periodicheskij sbornik. – 1907g. – № 24. – S. 15–20.

Zhamcarano C. Buryatskoe narodnicheskoe dvizhenie i ego kritika / C. Zhamcarano // Sibirskie voprosy: periodicheskij sbornik. – 1907d. – № 25. – C. 15–21.

Kirichenko S. V. Buryatskaya intelligenciya: nacionalizm i nacional'nyj vopros / S. V. Kirichenko // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2018. – № 51. – S. 41–47.

Klemenc D. A. Pessimizm na buryatskoj pochve / D. A. Klemenc // Sibirskie voprosy: periodicheskij sbornik. – 1907. – № 10. – S. 7–23.

Skrynnikova T. D. Tradicionnaya kul'tura i buddizm v samoidentifikacii buryat / T. D. Skrynnikova // Religiya i identichnost' v Rossii / otv. red. T. G. Gostilo, O. Yu. Artemova. – M.: Vost. lit-ra, 2003. – S. 121–152.

Etnichnost' [Elektronnyj resurs] // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. – 18.11.2022. – Rezhim dostupa: https://bigenc.ru/c/etnichnost-dbde36 (data obrashcheniya: 15.07.2025).

Chakars M. The Socialist Way of Life in Siberia: The Buryat Transformation / M. Chakars. – Budapest; New York: Central European University Press, 2014. – 230 p.

Chao Kesai. Duoyuan yu gongshi: Xinihe Hamuniganren jiqi minzu guanxi yanju [Plurality and Consensus: On the Khamnigan People of Shinekhen River and Their Ethnic Relations – Chao Kesaj. Plyuralizm i konsensus: issledovanie etnicheskih otnoshenij hamnigan rajona Shinekhen]: doctoral dissertation / Kesai Chao. – 2018. – 215 p.

Gelinfeierde [Greenfeld L.]. Minzu zhuyi – zouxiang xiandai de wudiao daolu [Nationalism: Five Roads to Modernity] / L. Greenfeld; translated by Wang Chunhua [et al.] [Grinfel'd L. Nacionalizm: pyat' putej k sovremennosti / per. na kit. yaz. Van Chun'hua i dr.]. – Shanghai: Sanlian shudian [Joint Publishing], 2010. – 645 p.

Hroch M. From National Movement to the Fully-Formed Nation: The Nation-Building Process in Europe / M. Hroch // Becoming National: A Reader / ed. by G. Eley, R. Suny. – New York: Oxford University Press, 1996. – P. 60–77.

Montgomery R. W. Late Tsarist and Early Soviet Nationality and Cultural Policy: The Buryats and Their Language / R. W. Montgomery. – New York: The Edwin Mellen Press, 2005. – 232 p.

Rupen R. A. Mongols of the Twentieth Century / R. A. Rupen. – Bloomington: Indiana University Publications, 1964. – 510 p.

Tolz V. Reconciling Ethnic Nationalism and Imperial Cosmopolitanism: The Lifeworlds of Tsyben Zhamtsarano (1880–1942) / V. Tolz // ASIA. – 2015. – Vol. 69. – No. 3. – P. 723–746.

Tolz V. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods / V. Tolz. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 212 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026;
одобрена после рецензирования: 19.02.2026;
принята к публикации: 17.03.2026

Date of the article submission to the editorial board: 06.02.2026;
approved after reviewing: 19.02.2026;
accepted for publication: 17.03.2026